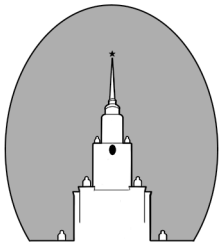
Татьяна
УСТИНОВА

ДОМ-ФАНТОМ В ПРИДАНОЕ

МОСКВА



Татьяна
УСТИНОВА

ДОМ-ФАНТОМ В ПРИДАНОЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *Я. Клыга*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Дом-фантом в приданое : роман / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-221868-2

Вы скажете – фантастика! Однако все происходило на самом деле в старом особняке на Чистых Прудах, с некоторых пор не числившемся ни в каких документах. Мартовским субботним утром на подружек, проживавших в доме-призраке, Липу и Люсинду... рухнул труп соседа. И ладно бы только это! Бедняга был сплошь обмотан проводами. Того гляди – взорвется! Массовую гибель собравшихся на месте трагедии жильцов предотвратил новый сосед Павел Добровольский, нейтрализовав взрывную волну. Экстрим-период продолжался, набирая обороты. Количество жертв увеличивалось в геометрической прогрессии. Уже отправилась на тот свет чета Парамоновых, чуть не задохнулась от газа тетя Верочка. На очереди остальные. Павел подозревает всех обитателей дома-фантома, кроме, разумеется, Олимпиады, вместе с которой он не только проводит расследование, но и зажигает роман...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221868-2

© Устинова Т.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

— Алоизий, ты дома? — спросил голос где-то вверху над брюками, за окном.

— Вот начинается, — сказал мастер.

— Алоизий? — спросила Маргарита, подходя ближе к окну. — Его арестовали вчера. А кто его спрашивает? Как ваша фамилия?

М. Булгаков.
«Мастер и Маргарита»

— Липа, Липа, ты послушай! Ну послушай, а?

Просыпаться не было никаких сил, но кто-то настойчиво тряс ее за плечо и приговаривал:

— Липа, Липочка, ну послушай!

— М-м-м, — промычала она, — ну что ты ко мне пристала? Ну что тебе опять надо?!

— Липочка, послушай же, ну никаких моих сил нет, потому что никто меня не слушает!

Олимпиада Владимировна Тихонова застонала и поднялась на локтях. Будильник, светившийся в темноте красным глазом, злорадно показывал 7:32.

— Липочка, слушай! Ну, тут ла-ла-ла и тру-ла-ла-ла-ла! И еще разок ла-ла-ла, тру-ла-ла-ла-ла!

Раздалось хилое гитарное бренчание и какое-то смутное блеяние, а потом опять бренчание. Олимпиада Владимировна, которая не могла вынести одновременного блеяния, бренчания и того, что будильник продолжал издевательски таращиться на нее и вдобавок еще мигнул и нагло выдал 7:33, упала в развал подушек и немного побилась о них головой, в надежде, что кошмар исчезнет.

Но он не исчез. Впрочем, это был не кошмар, и

Олимпиада Владимировна отлично об этом знала. Господи, сделай так, чтобы это был просто кошмар!

— Ну, е-мое, ну ты слушаешь или нет?! Вот тута у меня еще стишата. Так, сами собой придумались! Вот все говорят, что трудно их писать-то, а я за пять минут придумала. Слушай: «На земле есть любовь, к нам она возвращается вновь. Сквозь пелену зимы и лета идет она по свету-у! И люди ждут ее годами, а звезды светят небесами, и ихний свет до нас доходит и за собой любовь приводит!» Ну, тута надо маленько потянуть. Вот так: «И за-а со-обой лю-у-у-у-бовь приво-одит!» Липа?! Ты что, спишь?!

— Слова «ихний» не существует в природе, — злобно сказала Олимпиада Владимировна из подушек. — Небеса не могут светить звездами, а звезды не могут светить небесами, это чушь.

— Да ладно, — обиделась исполнительница и взяла широкий аккорд, довольно приятный. — Поду-умаешь! Суть не в этом!

— Суть в том, что сути вообще нет, — сказала Олимпиада Владимировна.

— А что? Плохие стихи, что ли?

— Это вообще не стихи. — Она села в постели. Хорошо, что Олежка сегодня не смог остаться ночевать, а ведь мог бы!

Она потерла лицо и почесала голову. Лицо было в складках, будто пергаментная бумага, а волосы жесткие, как солома, и торчали в разные стороны.

— Люсь, сколько раз я тебя просила — не приходи ко мне по ночам! У меня работы много, я по ночам спать должна!

Люся обиженно посопела, еще побренчала, а потом сказала негромко, но убежденно:

— Во-первых, уже день. Во-вторых, куда же мне

тогда идти? В-третьих, у меня тоже работа, а я-то ведь ничего!.. Да, и еще суббота сегодня, ты ж по субботам не ходишь!

Олимпиада Владимировна не стала уточнять, куда именно она не ходит по субботам. Глаза у нее не открывались, да и открывать их не хотелось!

Она прекрасно знала, что именно увидит.

Собственную комнату, слабо озаренную светом фонаря, который болтался на столбе — ржавый, железный, старый фонарь на толстой проволоке, кажется, оставшийся со времен Второй мировой войны. Столб тоже старый и трухлявый, и каждый раз, когда вставал вопрос о замене лампочки, все соседи отчаянно ссорились из-за того, кто полезет. Экспедиция на фонарь с каждым разом становилась все опаснее — не ровен час, рухнет!.. Еще Олимпиада Владимировна, скорее всего, увидит собственный же книжный шкаф, в стеклах которого отражается желтый свет, бабушкину этажерку с резной стойкой, широкое кресло, а в нем скорчившийся силуэт с нелепо выпирающим боком странной формы — гитарой.

— Лип, ну а в общем и целом — как? Плохо или хорошо?

Олимпиада Владимировна вздохнула и открыла глаза.

Шкаф был на месте, лужица света от фонаря тоже. Силуэт с выпирающим боком в кресле.

Все как всегда.

— Лип, а Лип? Ну как?..

— Люсь, я не знаю! По-моему, никак.

— Как — никак?

— Да никак, и все тут. — Она с сожалением вытащила из-под одеяла ноги. Так тепло им было, так хорошо, так уютно, и все кончилось, и следующей

ночи, когда опять будет тепло и уютно, еще ждать и ждать.

Конечно, можно выставить настырную поэтессу и певицу за дверь, запереться на щеколду, чтобы уж точно больше не приперлась, выпить кружку ромашкового чаю, включить потихонечку телевизор — по утрам в субботу иногда идут старые фильмы или сказки, те, что показывали в передаче, которую вела тетя Валя Леонтьева, улечься обратно, натянуть одеяло, повздыхать и дремать, дремать, дремать...

Но не такова была Олимпиада Владимировна Тихонова.

Олимпиада Владимировна Тихонова была такова, что если уж злые люди разбудили ее с утра пораньше, то она непременно встанет, пересиливая себя и злясь на весь мир, и займется чем-нибудь полезным.

Полезным на сегодняшнее утро представлялось следующее — глажка, поднакопившаяся за неделю, немытый пол на кухне, блины, обещанные Олежке еще на прошлой неделе. Да, и еще нужно покормить кота, который жил под лестницей и иногда по ночам истошно вопил, ввергая в раздражение и бессонницу всех жильцов тихого и старого дома. Кот был худой, длинный, с извивающимся хвостом болотного цвета. Сам кот был цвета зеленого и звался в народе Барсик.

Олимпиада Владимировна звала его Барс — так ей казалось уважительнее.

— Липа, — заныла поэтесса и в некотором роде трубадурша, — ну почему ты так говоришь, а? Ну почему ты никогда мне не скажешь, что хорошо?!

— Как я могу сказать, что хорошо, если пло-

хо? — возразила Липа и зевнула. — И вообще, ты знаешь, что с утра я разговаривать не могу, а тем более слушать твои песнопения!

Трубадурша выдернула гитару из-под тощего пледа, которым была прикрыта поверх мятой ночной рубашки, аккуратно прислонила ее к креслу, зажала руки между коленей и пригорюнилась.

Олимпиада Владимировна искоса посмотрела на нее, фыркнула, а потом пожалела, что фыркнула, потому что худенькие плечики поднялись, как будто пытаясь защититься, да так и остались поднятыми.

— Хочешь кофе? — великодушно спросила она и опять зевнула. — Я сейчас сварю.

— Да не надо, — отказалась трубадурша. — Ничего мне не надочки, кроме счастья, а счастья нету!..

Ее звали Люсинда Окорокова, приехала она издалека, и Олимпиада Владимировна, столичная штучка, была убеждена, что корень всех Люсиндиных несчастий кроется именно в этом диком имени.

Так и не удалось выяснить, кто и почему назвал барышню Окорокову Люсиндой. Сведения были самые разноречивые — то ли испанский летчик когда-то полюбил бабушку Нюру, то ли папина сестра Верочка когда-то полюбила кубинского студента, а вместе с ним чохом и все загадочные нерусские слова, то ли папа когда-то полюбил «Хабанеру» и в его сознании она прочно связалась именно с этим странным именем, но барышня вышла именно Люсиндой Ивановной Окороковой.

Так же не удалось выяснить, кто и почему вбил ей в голову, что она изумительно и волшебно поет и не менее изумительно двигается. Люсинда любила рассказывать, как ее, шестилетнюю, бабушка застала перед зеркалом, когда она пела «Зима снежки со-

лила в березовой кадушке» и «показывала ручками», как именно зима солила снежки, и пришла в неописуемый восторг. Решено было немедленно отдать талантливую девочку «на музыку» и «в балет». Музыке Люсинда училась по «классу гитары» и за год с лишним выучилась ловко играть на одной струне «Похоронный марш» и «В траве сидел кузнечик» без припева. Припев почему-то никак ей не давался.

Потом в Ростов, где жили Люсинда и ее семейство, приехал на гастроли Олег Митяев, и жизнь барышни Окороковой резко изменилась.

Она «заболела» авторской песней, влюбилась в Митяева до слез, бросила «Похоронный марш» и «Кузнечика», и соседский мальчишка показал ей три основных аккорда, на которых, как на трех китах, покоится искусство, где, «сгорая, плачут свечи», где «старик был немного пьян», где «люди идут по свету», а «мой друг, художник и поэт», «пройдет по кабакам» и «команду старую разыщет он».

Балет был заброшен, но даром тоже не прошел, Люсинда умела волнообразно извивать руки в позиции «Море волнуется» и довольно долго стоять на цыпочках, не заваливаясь на пятки.

Когда же исполнение песни «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались» стало некоторым образом даже совершеннее, чем у самого автора, и в том месте, где «с болью в горле» долженствовало вспомнить тех, «чьи имена, как раны, на сердце запеклись», слушателей неизменно прошибала слеза, решено было отправить девочку учиться в консерваторию.

По классу вокала, разумеется, а если не пройдет

на вокал, то тогда по классу гитары, ладно, чего уж там.

Гитара — мамина, с наклеенным на желтый фанерный корпус портретом Дина Рида, — прилагалась к девочке, которую собрали в Москву по всем правилам.

Правила приезда провинциального таланта из глубинки в столицу были сформулированы еще Иваном Александровичем Гончаровым, классиком русской литературы, в позапрошлом веке и с тех пор ни разу не менялись.

Во-первых, молодое дарование должно иметь при себе письмо «к дядюшке», с просьбой «похлопотать, поучаствовать, беречь от злого глазу и ночью — жить-то, чай, вместе будете! — прикрывать чаду рот платком, чтобы не налезли мухи».

Во-вторых, дарование, разумеется, должно гореть, пылать и быть одержимым какой-нибудь уж совсем невозможной и небывалой идеей — к примеру, выйти на втором году службы в министры или, на худой конец, в директора департамента и тайные советники.

В-третьих, дарование непременно должно привезти с собой гостинцев, которых в столице не сыщешь, — сушеной малины, домотканого полотна или варенья.

В-четвертых, на родине у него должна остаться романтическая привязанность, к которой оно станет «склонять розы своей души», направлять «порывы молодого сердца» и проливать над письмами «чистые слезы».

Ничего не изменилось.

Люсинда Окорокова прибыла в столицу именно таким порядком.

Кроме гитары с Дином Ридом, у нее еще был жесткий и пахучий овчинный тулупчик на зиму, именуемый на родине «дубленкой», скатанный и перевязанный веревкой, — отдельным багажным местом, — чемодан на колесиках, в котором на самом дне лежала тетрадочка с переписанными от руки песнями про «солнышко лесное», «плато Расвумчорр», «белые розы» и свечи во всех вариантах и вариациях. Еще была брезентовая сумища с гостинцами — домашние закрутки, вяленый лещ, а сверху — мама сунула в последний момент! — два баклажана и туесок с поздней клубникой. Дело было в августе, в поезде была несусветная жара, окна не открывались, лещом невыносимо воняло, и клубника протекла, на брезенте выступили неровные, бурые, как будто кровавые, пятна. Со страху и от тоски Люсинда Окорокова съела всю поплывшую и закисшую ягоду и до самой Москвы мучилась животом невыносимо. Мучения осложнялись тем, что в плацкартном вагоне работал один туалет и туда непрерывно ломился народ — мужики безостановочно пили пиво, которое требовало выхода, дети налегали на южные фрукты, которые в молодых организмах тоже надолго не задерживались. К Москве «очко» пребывало в отчаянном положении, а дух из него заглушил даже вяленого леща.

В розовой сумочке из блестящей клеенки — «мадам, только для вас, мадам, настоящий Париж, мадам, если желаете удостовериться, на подкладке пропечатано!» — у нее были припрятаны паспорт, фотография Костика, прошлой осенью ушедшего в армию и начинавшего каждое письмо словами: «Приветствую тебя военным приветом из далекого города Архангельска», пять тысяч рублей денег и

адрес папиной сестры, той самой, которая когда-то была влюблена в кубинца, а может, кубинец был влюблен в нее.

Тетя Верочка была предупреждена по телефону, но тем не менее, когда Люсинда, отдуваясь и утирая скомканным платком потное лицо, прибыла в Южное Бутово и взгромоздилась на одиннадцатый этаж скучнейшего, длиннющего, насмерть перепугавшего ее своей огромностью дома, на ее звонок никто не ответил.

Никто не вышел Люсинду встречать, никто не кинулся ей на шею, никто не восклицал, что она выросла и стала похожа на отца — копия, копия! — и пирогами не пахло, а мама всегда пекла пироги, когда из станицы Равнинной ожидались дальние родственники, дядя Вася с тетей Зоей и их девчонкой. Люсинда замучилась, переволновалась, ей очень хотелось домой, и отмыться после поездного сортира и пивных мужиков с их сальными шутками, и еще поесть чего-нибудь основательного, горячей картошки с колбасой или шпротами, или вон хоть с лещом, и чаю очень хотелось. Кроме того, сохранялась некоторая опасность, что клубника еще может себя показать, и в это тревожное время хотелось находиться вблизи унитаза, а пришлось маяться на лестничной клетке.

Никого не было долго-долго, а потом появился какой-то здоровенный лохматый парень и стал ключом открывать тети-Верочкину квартиру — Люсинда точно знала, что именно тетину, потому что за время ожидания несколько раз вытаскивала из розовой клеенки бумажку с адресом и, старательно шевеля губами, ее перечитывала. Все правильно, квартира номер 743.

Открывая, он все косился на Люсинду с ее узлами, а она так заробела, что слова не могла вымолвить, хотя ей всегда говорили, что она «бойкая девчонка».

Он открыл дверь, потом стал открывать вторую — две двери, чудно! — вошел, и обе двери с грохотом захлопнулись. Люсинда осталась на площадке одна. Она просидела на подоконнике примерно с полчаса, переждала еще каких-то людей, которые смотрели на нее как-то странно и уж точно недружелюбно, а потом решилась — в основном из-за клубники.

Подтащив чемодан, сумищу и гитару, с которых она не сводила глаз, опасаясь, что украдут, она позвонила в квартиру тети Верочки.

Лохматый парень в донельзя застиранных джинсах и голый по пояс открыл дверь, осмотрел ее с головы до ног и хмыкнул.

Кроме джинсов, на нем ничего не было, и он что-то вкусно жевал.

Люсинда старалась на него не смотреть.

— А я думал, это шутка, — сказал парень.

— А тетя Верочка здесь живет? — выпалила Люсинда, скосила на него глаза и опять уставилась на свою гитару. — То есть Вера Петровна Окорокова здесь живет?

— Ой, блин, — сказал парень без всяких эмоций в голосе. — Нет ее тут, и фамилия ее не Окорокова, а Золотарева. А ты кто? Племянница из Ростова, что ли?

Люсинда, перепуганная до смерти Золотаревой и тем, что тети Верочки нет, едва нашлась, чтобы кивнуть.

— Ой, блин, — повторил парень. — Как в кино,

ей-богу! Я-то думал, что это шутка такая, а ты приехала, блин!..

— Я... приехала, — подтвердила Люсинда, начиная подозревать неладное. — А тетя Верочка... на работе, да?

— Она здесь не живет, — морщась, сказал парень, — я тебе, конечно, адрес могу дать, но...

— Адрес? — убитым голосом переспросила Люсинда Окорокова, приехавшая поступать в консерваторию по классу вокала. — А... где она живет?

— Отсюда не видать, — сказал парень. В квартиру он ее не приглашал. — На Чистых Прудах она живет. А чего ты приехала-то?

— По... погостить, — пробормотала Люсинда, решив, что про консерваторию лучше пока помалкивать. — А как мне ее теперь искать?

— Ой, блин, — в третий раз сказал парень и некоторое время молча ее рассматривал, а потом вздохнул, словно покорившись судьбе, и посторонился: — Проходи, ладно!

Позабыв про свои узлы, Люсинда кинулась внутрь, еле нашла заветную дверь — парень за спиной длинно присвистнул, — заперлась и сидела там долго. Выходить боялась от смущения и еще от страха, что ее выгонят, а она очень устала, так устала, как никогда в жизни не уставала.

Парень, оказавшийся тети-Верочкиным сыном и, соответственно, ее двоюродным братом, сестрицу не выгнал, хотя смотрел насмешливо и тоже совсем безрадостно, как давешние люди на площадке.

Он ей объяснил, что тетя Верочка лет десять назад переехала в старую бабушкину квартиру на каких-то там прудах — что за пруды еще, видать, за городом, как же она, Люсинда, из-за города станет

ездить в консерваторию?! Еще он объяснил, что они ее не ждали, потому что так и не поняли, кто должен приехать и зачем, они, собственно, никого не приглашали. Люсинда согласилась — слышно было плохо, мать сильно кричала в трубку, когда звонила, а вся семья, и дочка, и папа, и бабушка, стояла вокруг с тревожными лицами и суфлировала, помогая матери говорить, и она махала на них кухонным полотенцем, которое в волнении стащила с плеча.

Парень налил ей чаю, довольно холодного, из какого-то перевернутого баллона, стоявшего верхом на железном ящике, напоминавшем компьютерный системный блок, а ей картошки хотелось, и хлебушка, и мяса! К чаю ничего не было, только какие-то таблетки, про которые парень сказал «заменитель».

Потом пришла его жена, и... дальше Люсинда не любила вспоминать.

С тех пор прошло пять лет. Нет, даже почти шесть. Пять с половиной, так будет вернее.

Тетя Верочка, когда Люсинда до нее добралась, разрешила ей пожить у себя, потому что та ее развлекала, и еще потому, что делала абсолютно всю домашнюю работу. В консерваторию она не поступила — вот ведь странность какая! — ни по классу вокала, ни по классу гитары.

В консерваторию не поступила, и на работу ее никуда не брали, пока Верочкина соседка Люба не договорилась с Ашотом, который дал племяннице «точку» на Выхинском рынке. За пять с половиной прошедших лет Люсинда сделала головокружительную карьеру — начала с помидоров, а нынче продавала книжки и всякую мелочовку вроде щеток для волос «из натурального палисандра», пластмассо-

вых заколок «Гуччи», наклеек на ногти, тетрадок с портретами Дэвида Бекхема, Таркана, Димы Билана и еще человека со странным именем Серь Га. У нее была собственная палатка с обогревателем и ведром вместо санузла, но это было гораздо лучше, чем весь день мыкаться на морозе, мерзнуть, кричать сорванным, совершенно не пригодным для вокала голосом: «Самые лучшие, самые спелые, самые свежие помидоры! Только с юга, вчера с грядки снимали!»

Целыми днями она торговала книжками, а по вечерам придумывала песни вроде той, которую исполняла сегодня Олимпиаде, про любовь, звезды и небеса. На улицу она почти не выходила, потому что у нее была «регистрация», а не прописка, а таких на московских улицах не очень любят, можно даже сказать, терпеть не могут.

На беду, Люсинда Окорокова оказалась очень красива настоящей русской красотой, которая если еще и сохранилась, то, должно быть, только в Ростове. Высоченная, длинноногая, грудастая, с очень светлыми прямыми волосами почти до пояса, Люсинда Окорокова была похожа на всех европейских киноактрис и манекенщиц чохом. Бедный Ашот держался из последних сил, а его друг Димарик, выполнявший роль телохранителя и «стоп-крана», принимавшего на себя тех, кто пытался как-то освободиться от средневекового азиатского ига, заведенного на рынке, уже почти не мог терпеть.

Положение вскоре стало бы совсем угрожающим, если бы не соседка Люба, которая тогда поспособствовала ее трудоустройству. К Любе Ашот относился с особым уважением, ибо она была гадалкой и давала ему ценные советы в области биз-

неса, а также в вопросах любви. Люба несколько охлаждала пыл хозяев жизни и самой Люсинде сочувствовала.

Другая соседка, Олимпиада Владимировна Тихонова, тоже ей сочувствовала и даже соглашалась слушать ее песнопения и все советовала уехать домой, в Ростов.

Но как Люсинда могла уехать, когда в каждом письме мама передавала ей приветы от всех давних подруг, у которых уже были мужья и дети, а у некоторых и не по первому кругу, и осторожненько интересовалась, когда уже они с папой и бабушкой смогут увидеть свою дочь «на телеэкране» и прослушать ее выступления «по радиотрансляции»! Мама просила непременно предупреждать их, когда трансляция состоится, чтобы они уж точно не пропустили и оповестили всех соседей, подруг, друзей, чтобы и те могли насладиться.

В тощем пледике Люсинда сильно мерзла, и жизнь, такая прекрасная еще пять минут назад, когда она сочиняла, а потом пела свою песню, вдруг показалась ей совсем серой и никому не нужной.

У Липы долго не засидишься, она напоит кофе, да и выставит, и придется идти домой, где тетя Верочка, которая с каждым годом становится все требовательней и требовательней, станет просить развлечений и чего-нибудь вкусненького, а у Люсинды, как на грех, совсем нет денег. Разорилась, купила у Зинаиды, торговавшей неподалеку от ее палатки, хорошенькую голубую весеннюю курточку, которая так сказочно оттеняла ее глаза и волосы, а курточка оказалась дорогая, и Ашот, паразит, отказался скинуть.

— Сама знаешь, что делать, чтобы денег не пла-

тить, — сказал он, и глаза у него стали как маслины, черные-черные и блестящие, — а не хочешь делать, тогда плати, как все!

Люсинда заплатила и оказалась на мели.

Предстояли долгие и безрадостные выходные, когда решительно нечем себя занять, ибо крохотная квартирка в старом-престаром московском доме, по ошибке позабытом среди старых-престарых московских лип и тополей, уже вылизана до блеска, и суп сварен «на три дня». Пойти некуда, так что придется развлекать тетю Верочку чтением вслух из какой-нибудь месячной давности газетки какой-нибудь статейки о разводах и свадьбах знаменитостей.

А у Липы сидеть долго нельзя, она кофе напоит, да и выставит, и вон еще говорит, что песня плохая!.. Может, и плохая, но как же она выйдет хорошая, когда тетя Верочка терпеть не может шума и запрещает Люсинде «играть на музыке», и та играла, только когда Верочка давно и прочно похрапывала за тоненькой стенкой или в редкие счастливые часы, когда удавалось спровадить ее на лавочку в палисадник «подышать».

«Дышала» тетя Верочка только летом, а пока март и надеяться нечего, не пойдет она.

— Кофе, — объявила Олимпиада Владимировна, появляясь на пороге комнаты с подносиком, — сейчас попьем, покурим — и по делам!..

Люсинда ей позавидовала.

Надо же, совсем молодая, такая же, как и она, Люсинда, а сама себе хозяйка, ловкая, проворная, образованная, машину водит — тайная и страстная Люсиндина мечта!.. Только что была заспанная, сердитая, а вот явилась в джинсах, в белом свитер-